
А. В. МАЙОРОВ

**Греческий оловир Даниила Галицкого:
из комментария к Галицко-Волынской летописи¹**

Под 1252 г. Галицко-Волынская летопись описывает внешний облик князя Даниила Галицкого, каким он предстал перед немецкими послами, прибывшими для переговоров с венгерским королем Белой IV, союзником которого тогда был Даниил: «Бе бо конь под нимъ дивлению подобень, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златомъ оукрашена [и] иными хитростьми, якоже дивитися, кожоухъ же оловира Грѣцького и круживы златыми плоскоми ошитъ, и сапози зеленого хъза, шити золотомъ».²

Это сообщение во многом остается недооцененным исследователями, несмотря на частые к нему обращения. В комментариях к новейшему изданию Галицко-Волынской летописи отмечена лишь необыкновенная полнота в описании летописцем княжеского костюма: «Кажется, [это] самое подробное в древнерусской литературе описание парадной походной одежды князя».³

Действительно, со времен Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева приведенное летописное сообщение воспринималось историками исключительно как иллюстрация к традиционному парадному костюму древнерусских князей. С. М. Соловьев, к примеру, передавал смысл сказанного летописцем так:

---

¹ Данная статья, в которой предлагается новая интерпретация летописной статьи 1252 г. Галицко-Волынской летописи, публикуется в порядке обсуждения. — *Ред.*

² ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 814. Приведем с незначительным сокращением текст летописной статьи 1252 г. по БЛДР: «Присла король угорьскы к Данилу, прося его на помощь, бѣ бо имѣ рать на бой с нѣмци. Иде ему на помощь и приде къ Пожгу. Пришли бо бяху послы нѣмѣцкыи к нему. <...> Възьѣха же король с ними противу же Данилу князю. Данила же приде к нему, исполчи вся люди своѣ. Нѣмци же дивящееся оружью татарьскому, бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожанныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика от оружья блистающа. Самъ же ѣха, подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь под нимъ дивлению подобень, и сѣдло от злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена иными хитростьми, якоже дивитися, кожоухъ же оловира грѣцького и круживы златыми плоскоми ошитъ, и сапозы зеленого хъза шити золотомъ. Немцемъ же зрящимъ, много дивящимся.

Рече ему король: „Не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ рускимъ отцевъ своихъ“.

И проси у него въ станъ, зане зной бѣ великъ дне того. Онъ же я и за руку и веде его в полату свою, и самъ соволочашеть его, и облачашеть и во порты своѣ, и таку честь творяшеть ему.

И прииде в домъ свой» (см.: Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер., коммент. О. П. Лихачевой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 260, 262).

³ Галицко-Волынская летопись : Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 282.

«Даниил одет был по обычаю русскому: седло на коне его было из жженого золота, стрелы и сабля украшены золотом и разными хитростями, кожух из греческого оловира, обшит кружевами золотыми плоскими, сапоги из зеленого сафьяна (хза) шиты золотом».⁴ В таком же ключе понимал смысл слов летописца Н. И. Костомаров: «Сам Данило ехал рядом с королем, одетый по-русски; седло под ним было обшито чистым золотом...»⁵ и т. д. В многочисленных трудах по истории древнерусской литературы сделан примерно тот же вывод: описание великолепного наряда Даниила призвано возвеличить образ русского князя, создаваемый летописцем.⁶

Между тем слова о «русском обычае», которому следовал Даниил, в приведенном летописном известии правильнее было бы отнести вовсе не к костюму князя. Эти слова, на наш взгляд, скорее относятся к тому, как вел себя русский князь по отношению к венгерскому королю, точнее, какое место он занимал во время церемонии встречи немецких послов. Летописец ясно дает понять, что, придерживаясь русского обычая, Даниил ехал возле венгерского короля («сам же еха подле короля по обычаю руску»), в то время как сопровождавшие галицко-волынського князя воины, среди которых особо выделялись одетые в яркие татарские доспехи всадники, следовали отдельно.⁷

По-видимому, в данном случае под «русским обычаем» имелись в виду политические обязательства Даниила по отношению к венгерской короне. Галицкие князья издавна были тесно связаны с правителями Венгрии, нередко принимая на себя различные обязательства перед ними. Особенно тесными узами был связан с Венгрией Даниил Романович, воспитанный при дворе короля Андрея II. Во время коронации его сына, Белы IV, осенью 1235 г. Даниил совершил весьма характерный для своего времени ритуал. В так называемом Венгерском хроникальном своде XIV в., именуемом также Иллюстрированной, или Венской, хроникой, отмечается, что этот «истинный русский князь» в ходе торжественной процессии, сопровождавшей нового короля, «со всей почтительностью вел впереди [королевского] коня».⁸ Смысл описанного здесь ритуала состоял в публичном признании русским князем сюзеренитета венгерского короля.⁹

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения : В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. Т. 4. С. 501—502. См. также: Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 12 т. М., 1994. Т. 4. С. 204.

⁵ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 218.

⁶ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966. С. 213; Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1966. С. 133; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 36.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 814.

⁸ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. 1. P. 467.*

⁹ Лабунька М. Князь Данило Галицкий і коронація угорського короля Бели IV (Чин Officium Stratoris) // До джерел : Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Львів, 2004. Т. 1. С. 554—561; Волощук М. М. Даниил Галицкий и Бела IV: К реконструкции русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в. // *Rossica antiqua*. 2006 год. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 331—341. См. также: Майоров А. В. Внешняя политика Даниила Романовича в середине 1230-х годов // Князья доба: Історія і культура / Відп. ред. Я. Д. Ісаєвич. Львів, 2008. Вип. 2. С. 50—66.

Что же касается костюма Даниила и амуниции его коня, то, судя по летописи, они, наоборот, выглядели весьма необычно.¹⁰ Именно этим необычным видом своего наряда Даниил вызвал недоумение немецких послов, прибывших на переговоры с венгерским королем («Немцем же зрящимъ, много дивящимся»). Очевидно, не в меру пышное облачение русского князя вызвало настоящий дипломатический конфуз во время официальных переговоров. Этим, надо думать, объясняется смущение венгерского короля по поводу одеяния Даниила и просьба сменить его на более подобающую случаю одежду, согласующуюся с «обычаемъ Роускимъ».

В летописи читаем: «Рече емоу (Даниилу. — *А. М.*) король: „Не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ Роускимъ отцовъ своихъ“. И просися (Даниил. — *А. М.*) оу него (короля Бела. — *А. М.*) въ станъ, зане зной бе великъ дне того. Онъ же (Бела. — *А. М.*) я и (Даниила. — *А. М.*) за роукоу, и веде его в полатоу свою, и самъ соволочашеть его, и облачашеть и во порты свое. И такоу честь творяшеть емоу».¹¹

Ссылка на русский обычай, повторно звучащая в сравнительно коротком летописном сообщении, на этот раз действительно имеет отношение к облачению Даниила. Бела деликатно намекает ему, что на посольский прием следовало бы прийти, одевшись по «русскому обычаю своих отцов». Галицко-волинский князь принимает упрек венгерского короля и соглашается немедленно исполнить его пожелание, переодевшись в другое платье, очевидно, еще до окончания посольского приема. Удовлетворенный этим король Бела лично сопровождает Даниила в свой шатер и помогает ему переодеться, в чем придворный летописец усматривает проявление особой чести в отношении князя.

Предлагаемое нами объяснение свидетельства Галицко-Волинской летописи расходится с распространенными в литературе толкованиями, иногда весьма затемняющими его смысл. Так, по мнению С. М. Соловьева, во время переговоров Бела почему-то пожелал сменить свой собственный костюм, обратившись за помощью к Даниилу: «когда король попросился у него в стан, то Даниил ввел его в свою палатку».¹² На самом же деле переодеться пришлось Даниилу, а не Беле.

Не вполне верно передается историками смысл обращения венгерского короля к русскому князю. Согласно Н. И. Костомарову, Бела, придя в восторг от появления перед ним блистательного Даниила, воскликнул: «Твой приезд, по обычаю русских князей, дороже мне тысячи серебра».¹³ Примерно так же понимал обращение короля к Даниилу И. П. Крипьякевич: «Менее дорога мне

¹⁰ Традиционно русским в костюме Даниила по летописному описанию можно считать, пожалуй, лишь его верхнюю одежду — *кожух*, — представлявший собой, по-видимому, подбитый мехом кафтан. Подобные одежды известны в гардеробе московских великих князей и царей XIV—XVII вв.: украшенные нашивками, кружевом и алмазами с жемчугом кожухи упоминаются, к примеру, в завещании Ивана Калиты и в Книге царских выходов Алексея Михайловича за 7156 г. (с 1 сентября 1647 по 30 августа 1648 г.). См.: *Строев П. М.* Выходы государей, царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексія Михайловича, Феодора Алексеевича: всяя Руси самодержцев с 1632 по 1682 год. М., 1844. С. 178; *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 59. Однако нет сведений о том, чтобы московские великокняжеские и царские кожухи были бы шиты из столь ценного материала, как греческий пурпур.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 814—815.

¹² *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 4. С. 502.

¹³ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях... Кн. 1. С. 218.

и тысяча серебра, нежели то, что ты приехал по русскому обычаю своих отцов».¹⁴ Такого же понимания придерживаются и некоторые новейшие авторы, полагая, что Бела «похвалил» Даниила за приверженность русскому обычаю, после чего сам отправился переодеваться в другую одежду.¹⁵

Как нам представляется, венгерский король вовсе не выражал восторгов по поводу пышного наряда своего вассала, а, напротив, высказал свое недовольство по этому поводу, усматривая в таком наряде не только нарушение дипломатического этикета, но и «русского обычая».

Думать так позволяет грамматическая конструкция предложения, передающего прямую речь короля Белы («Не взяль быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришель обычаемъ Роускимъ отцовъ своихъ»), где союз *оже* соответствует современному *если* и вводит придаточное со значением условия.¹⁶

В передаче придворного летописца свое недовольство в адрес Даниила Бела выражает в весьма учливой форме: «Я отказался бы от тысячи серебра, — говорит король, — если бы ты пришел [сообразно] русскому обычаю своих отцов». Тем не менее, услышав слова Белы, Даниил тотчас под предлогом сильного зноя попросился отлучиться в королевский стан, чтобы переодеться в предложенную ему королем другую одежду.¹⁷

Наиболее точный перевод приведенного летописного сообщения на современный русский язык, с нашей точки зрения, предложен О. П. Лихачевой: «И сказал Даниилу король: „Я отказался бы от тысячи серебра, лишь бы ты пришел, — по русскому обычаю своих отцов“. Даниил попросился у него в стан, потому что был сильный зной в тот день. Король взял его за руку, и ввел в свою палатку, и сам его раздел и одел в свои одежды, такую честь оказал он ему».

Что же так обеспокоило венгерского короля и немецких послов в облике галицко-волинского князя, что в его костюме, выражаясь современным языком, так не соответствовало дипломатическому протоколу, а вместе с тем и «русскому обычаю»? Конечно же, это — царские атрибуты, которыми украсил себя Даниил, главным среди которых был, по-видимому, бросавшийся в глаза роскошный «кожух», сшитый из «оловира Грецького».

Термин *оловир* следует отнести к числу чрезвычайно редких. Он встречается только в Галицко-Волинской летописи и, насколько нам известно, не зафиксирован в других памятниках письменности Древней Руси. Вслед за И. И. Срезневским его переводят обычно как «шелковая, затканная золотом ткань».¹⁸ Этот перевод, однако, нельзя признать в достаточной степени точ-

¹⁴ «Менше варта мені й тисяча срібла, ніж те, що ти приїхав руським звичаєм своїх батьків» (Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 180).

¹⁵ Рычка В. М. «Київ — другий Єрусалим»: (З історії політичної думки середньовічної Русі). Київ, 2005. С. 236.

¹⁶ Об употреблении союза «оже», вводящего в одном из значений придаточное со значением условия, см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 297.

¹⁷ Галицко-Волинская летопись / Пер. О. П. Лихачевой // БЛДР. Т. 5. С. 263. Ср. переводы на украинский язык Т. Кострубы и Л. Е. Махновца: Галицько-Волинський літопис / Переклав, пояснив Т. Коструба. Львів, 1936. Ч. 2. (Українська бібліотека. Ч. 44). С. 38; Літопис Руський: За Іпатським списком переклав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 408—409.

¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 2003. Т. 2. Стб. 661. См. также: Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 172; Галицко-Волинская летопись. С. 282.

ным. Он не отражает важнейшей, на наш взгляд, смысловой составляющей понятия «оловир» как одного из видов греческого пурпура.

Др.-рус. *оловирь*, судя по всему, образовано от ср.-греч. *holoverus*.¹⁹ Зафиксированная в византийских памятниках форма *holoverus* употребляется в значении 'истинный пурпур'; в форме *holoverus* 'истинный пурпур' это выражение известно также в латинских средневековых текстах.²⁰ Греко-латинский термин *оловир* или *головер* (*holoverus*) образован путем сложения двух основ, восходящих к греч. *óloj* 'целый' и лат. *verus* 'истинный'. Ввиду этого более правильным следует признать определение для др.-рус. *оловирь*, предложенное в Словаре русского языка XI—XVII вв.: «Оловирь — драгоценная ткань (ср. греч. *holoverus* 'из чистого пурпура')».²¹

Византийские источники прямо свидетельствуют о том, что термин *оловир* (*головер*) имеет отношение к особой, «царской», окраске шелковой ткани, многократно увеличивавшей ее значение и стоимость. Окрашенную таким образом ткань нельзя приравнивать к обычному шелку. По сообщению Прокония Кесарийского (Тайная история. XXV. 21), Петр Варсима, занимавший в середине VI в. должность комита священных щедрот, в нарушение всяких правил наладил открытую торговлю шелком различных видов и продавал «одну унцию шелка любой окраски не менее чем за шесть золотых, а шелк царской окраски, которую обычно именуют головером, более чем за двадцать четыре золотых».²²

«Кожух» Даниила Романовича, сшитый из оловира («истинного», или «чистого», пурпура), представлял собой одеяние действительно весьма примечательное и даже, можно сказать, исключительное. Пурпур высшего качества в Византии на протяжении многих веков составлял исключительную привилегию императоров. Его производство осуществлялось по весьма сложной и дорогостоящей технологии, отработанной еще в античные времена и применявшейся по меньшей мере до XIII в. Пурпур добывался из морских моллюсков (*tirex*), обитающих в районе Тира, а также в прибрежных водах Пелопоннеса и прилегающих островов. Для окрашивания одного предмета одежды необходимо было переработать до двенадцати тысяч раковин.²³

Ценовой эдикт Диоклетиана перечисляет двенадцать видов пурпурных тканей, чья цена колебалась от десяти (за красную шерсть) до ста пятидесяти тысяч динариев (за пурпурный шелк). Со времен Юстиниана пурпур лучшего качества не подлежал продаже и оставлялся для императорских нужд. На рынок поступали только различные имитации и низкокачественные виды

¹⁹ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 2. С. 647; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 3. С. 135.

²⁰ *Sophocles E. A. Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods.* Hildesheim; Zürich; New York, 2005. P. 801. См. также: *Du Cange Ch. 1) Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis.* Frankfurt a./M., 1710. Т. 2. Col. 846—847; 2) *Glossarium ad scriptores mediae a infimae Graecitatis, auctore Carolo Du Fresne, Domino du Cange Effigies recens cum vetere editione anni 1688 prorsus congruens.* Vratislaviae, 1891. Col. 204.

²¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 359.

²² *Проконий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 401.

²³ *Carile A. Immagine e realtà nel mondo bizantino.* Bologna, 2000. P. 100.

пурпура. С VII в. его производство полностью концентрируется в Константинополе, провинциальные центры пурпурного дела закрываются.²⁴

Ношение одежды из пурпура также было строго ограничено законами империи. Со времен Тиберия подданным императора разрешалось носить на одежде лишь пурпурную кайму шириной не более двух пальцев. Лев VI разрешил продажу пурпурных остатков, но это послабление действовало недолго.²⁵ В качестве особой милости императоры могли жаловать своим родственникам право ношения пурпура. Например, Исаак II позволил своему дяде по матери Феодору Кастамониту использовать при выезде на коне пурпурный науздик и чепрак, а также подписываться пурпурными чернилами.²⁶

Едва ли можно согласиться с тем, что «кожух греческого оловира» мог быть куплен Даниилом Романовичем у какого-нибудь заезжего торговца, прибывшего с товаром в Галич или во Владимир-Волынский. А между тем именно такое объяснение появления в гардеробе галицко-волинского князя наряда из оловира преобладает в современной литературе. Новейшие авторы без тени сомнения утверждают, будто русские князья покупали драгоценные ткани такого рода в Византии.²⁷ Иногда можно прочесть даже о том, что на торговые пристани Галича и Владимира прибывали целые «суда, груженные греческим оловиром».²⁸

С X в. одежды из царского пурпура, оловира, как и любые ткани, окрашенные в пурпур, были запрещены к продаже иностранцам и вывозу за границу. Согласно Книге епарха (кодифицированный в X в. официальный свод уставов константинопольских ремесленных и торговых корпораций, находившихся в ведении епарха — градоначальника), изготовление пурпурных тканей находилось под строжайшем контролем государства, любые попытки их несанкционированного производства и распространения карались самыми жесткими мерами вплоть до смертной казни.²⁹

Как явствует из трактата Константина Багрянородного, царская пурпурная одежда имела сакральное значение, и поэтому передать такую одежду кому-либо другому означало поделиться частицей верховной власти. Император всячески предостерегал своего наследника от пожалований царского пурпура правителям других стран и народов, в том числе хазар, венгров и росов,

²⁴ См.: *Reinhold M. History of Purple as a Status Symbol in Antiquity*. Brussels, 1970; *Jacoby D. Byzantium, Latin Romania and the Mediterranean* Aldershot, 2001. P. 8—11, 141 sqq.; *Oikonomides N. The Role of the Byzantine State in the Economy // The Economic History of Byzantium : From the seventh through the fifteenth century / Ed. by A. E. Laiou*. Washington, 2007. Vol. 3. P. 984—986.

²⁵ *Gipper H. Purpur: Weg und Leistung eines umstrittenen Farbworts // Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische sprache*. Göttingen, 1964. Bd. 42; *Hunger H. Reich der neuen Mitte : Der christliche Geist der byzantinischen Kultur*. Graz [u. a.], 1965. S. 84—89.

²⁶ *Никита Хониат*. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. Т. 2. С. 114.

²⁷ *Пауцто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 172; *Новосельцев А. П., Пауцто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в. // История СССР. 1967. № 3. С. 85; *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 125; *Сидоренко О. Ф.* Українські землі у міжнародній торгівлі (IX—середина XVII ст.). Київ, 1992. С. 75; *Копитко А.* Галицька та Волинська землі і Византия в системі міжнародних економічних зв'язків (XIII—перша половина XIV ст.) // Король Данило Романович і його місце в українській історії / Матеріали міжнар. наук. конф. Львів, 29—30 листопада 2001 р. Львів, 2003. С. 99.

²⁸ *Пауцто В. Т.* Галицко-Волыньское княжество // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953. Ч. 1. С. 363.

²⁹ Византийская книга епарха / Пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 81, 183 и след.

настойчиво добивавшимся подобной милости от василевса; им надлежало отказывать под любым, даже самым невероятным предложением.³⁰

Масштабная торговля оловиром Византии с Галицко-Волынской Русью станет и вовсе невероятным с исторической точки зрения явлением, если признать (как это обыкновенно делают комментаторы Галицко-Волынской летописи), что под названием «оловир» подразумевался затканый золотом шелк, окрашенный в пурпур.

Собственное производство шелка известно в Византии с середины VI в. Однако продажа большинства его видов за рубеж была запрещена. Только очень небольшое количество шелка экспортировалось в мусульманские страны. Венецианским и некоторым другим привилегированным итальянским купцам разрешалось продавать византийский шелк низкого качества на рынке в Павии. Шелковые ткани высокого качества использовались императорами (помимо личного употребления) в качестве официальных дипломатических подарков, шли на уплату контрибуций или откупов от войны. Этот путь распространения шелка за пределами империи следует признать более правдоподобным.³¹

Мы, разумеется, не отрицаем того очевидного факта, что в Древней Руси шелковые ткани иностранного производства получили весьма широкое распространение. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, а также сообщения письменных источников. Есть даже основания полагать, что привозимый с Востока шелк частично реэкспортировался из Руси в Европу — Польшу, Чехию, Южную Германию, Скандинавию.³²

Однако найденные археологами фрагменты шелковых тканей древнерусского времени в своем абсолютном большинстве не могут быть поставлены в один ряд с «греческим оловиром», упомянутым в Галицко-Волынской летописи. М. В. Фехнер справедливо указывает, что дорогие сорта византийских тканей, такие как фюфудья, оловир греческий, аксамит, воспроизведенные на фресках Киевской Софии и Спаса на Нередице, а также в миниатюре Изборника 1073 г. с групповым портретом семейства Святослава Ярославича, нельзя смешивать с массовой шелковой продукцией, поступавшей на внешний рынок. Византийские ткани высшего качества поступали в страны Западной и Восточной Европы преимущественно в виде посольских даров, военной добычи или в виде торговых пошлин.³³

Еще меньше оснований уподоблять «греческому оловиру» сохранившиеся со времен Древней Руси остатки шелковых тканей по следам их древней окраски. Первоначальный цвет большинства таких тканей, восстанавливаемый

³⁰ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* : Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 54—57.

³¹ *Lopez R. S. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum : Mediaeval Academy of America. 1945. Vol. 20. P. 1—42; Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century : The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1986. Vol. 40. P. 33—53; Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900—1200. Cambridge; New York; Port Chester [etc.], 1989. P. 147—149, 182—186; Laiou A. E., Morrison C. The Byzantine economy. Cambridge; New York, 2007 (Cambridge Medieval Textbooks). P. 125 sqq.*

³² См.: *Фехнер М. В. 1) Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 207—227; 2) Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // Советская археология. 1977. № 3. С. 130—142; 3) Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // Советская археология. 1982. № 2. С. 57—70.*

³³ *Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе. С. 58.*

при реставрации, представляет собой различные оттенки красного.³⁴ Таковы, к примеру, ткани из знаменитого Михайловского клада, найденного в Киеве в 1903 г. Тогда на территории Михайловского Златоверхого монастыря был найден зарытый в землю глиняный сосуд, наполненный золотыми и серебряными предметами женского убора, а также фрагментами шелковых тканей, представляющими собой остатки женского парадного костюма.³⁵ Специальное исследование показало, что первоначальный цвет тканей был красным различных оттенков — от ярко-розового до вишнево-коричневого, а в качестве красителя использованы марена и сафлор — обычные растительные краски, широко распространенные в Средиземноморье, Иране и Средней Азии. Они не давали ткани насыщенного и глубокого цвета, а самое главное, не отличались стойкостью.³⁶

Среди тканей Михайловского клада особенно выделяются несколько фрагментов двустороннего гладкого шелка со сложной техникой переплетения нитей, которые могут быть отнесены к категории византийских шелков высшего качества. Только на этих небольших фрагментах (в основном в виде полосок ткани), использовавшихся для украшения костюма, удастся выявить следы применения более дорогостоящих красителей. По мнению А. К. Елкиной, для окрашивания этих фрагментов шелка наряду с мореной мог быть применен червец (или кермес) — один из драгоценных красителей древности, добывавшийся из насекомых типа «армянской кошенили» (*Porphyrophora hameli*); червцом по алюминиевой протраве окрашивали шелк в малиновый или темно-вишневый цвета.³⁷

Червец (называемый также кармином) как более дешевый аналог пурпура был известен и в Западной Европе: со времен античности его производили в средиземноморских странах (главным образом в Италии, Испании и на юге Франции). В XIV—XV вв. по мере сокращения и удорожания пурпура производство кармина расширилось, совершенствовалась и технология его применения. Тем не менее разница между настоящим пурпуром и его суррогатами была очевидной. Представители высшей знати и прелаты римской церкви по-прежнему предпочитали носить настоящий пурпур. И только когда вследствие захвата Константинополя турками производство настоящего пурпура полностью прекратилось, папа Павел II распорядился, чтобы на приготование «кардинальского пурпура» употреблялся кармин (1464).³⁸

Трудно с полной уверенностью сказать, был ли наряд Даниила Романовича, в котором он предстал перед немецкими послами на приеме у венгерского короля, действительно сшит из «истинного», или «чистого», пурпура — оло-

³⁴ Красный цвет вообще был излюбленным цветом в одежде древнерусских горожан. По данным А. В. Арциховского, более трех четвертей найденных археологами фрагментов одежды жителей древнего Новгорода были окрашены в красные цвета — киноварный и карминный (Арциховский А. В. Одежда // Очерки русской культуры : XIII—XV вв. М., 1970. Ч. 1. С. 282).

³⁵ Подробное описание клада см.: Беляшевский Н. Ценный клад великокняжеской эпохи // Археологическая летопись Южной России. 1903. № 5. СПб., 1904. С. 297—304; Корзухина Г. Ф. Древнерусские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 118—122.

³⁶ Фехнер М. В. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси : Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 66—70.

³⁷ Елкина А. К. Исследование красителей тканей из Михайловского клада // Там же. С. 70.

³⁸ Frick C. C. Dressing Renaissance Florence: Families, fortunes, and fine clothing. Baltimore [u. a.], 2002. P. 102.

вира в буквальном значении этого выражения. Но в любом случае ясно, что именно такое впечатление этот наряд произвел на очевидцев — участников королевского приема. Подтверждением сказанному служит реакция немецких послов, представлявших, надо полагать, императора Священной Римской империи Фридриха II (1220—1250), «царя», как говорит о нем летописец: «Немцем же зрящимъ (облачение Даниила. — А. М.), много дивящимся».³⁹ В императорском одеянии галицко-волынского князя немецкие послы, очевидно, усмотрели посягательство на прерогативы их собственного государя.

Как бы то ни было, вид у Даниила Романовича, детально переданный летописцем, действительно был царский. В своем великолепном наряде он походил если не на византийского императора, то по меньшей мере на персидского царя Дария или Чафия, чьи образы были известны на Руси по произведениям переводной литературы.⁴⁰ Сравнение наряда Даниила с одеждой лазско-персидского царя Чафия, пожалованной ему византийским императором Юстинианом и подробно описанной в семнадцатой главе Хроники Иоанна Малалы по Еллинскому и Римскому летописцу, привел в свое время А. С. Орлов.⁴¹ Но сравнение это оказывается далеко не в пользу Чафия, в наряде которого не нашлось места для пурпура или «багра», как он именуется в русском переводе: персидский царь носил «в багра место нашиву злату плоску».⁴²

Важно заметить, что свой царский облик Даниил Романович приобрел еще до того, как он принял королевскую корону от римского папы. Описанный в летописи под 6760 (1252) г. прием у венгерского короля в действительности произошел, вероятно, несколькими годами ранее, по-видимому, в конце 1248 или начале 1249 г.⁴³ Следовательно, привилегия ношения пурпура была получена Даниилом независимо от милости папы и, видимо, задолго до нее. К тому же получение королевской короны едва ли могло санкционировать для галицко-волынского князя право на царские регалии, которые были под стать только византийским василевсам и членам их семьи.

Греческий оловир, в который был облачен Даниил Романович, не мог быть пожалован ему никем из тогдашних европейских монархов или римских прелатов. В средневековой Европе драгоценные византийские ткани были слишком большой редкостью и вызывали к себе особое отношение — их воспринимали как предметы исключительной ценности, сравнимые с христианскими реликвиями. По данным западноевропейских источников, в византийский шелк в X—XII вв. заворачивали особо чтимые христианские святыни, хранящиеся в храмах.⁴⁴

Столь же трепетное отношение к драгоценным византийским тканям мы видим и в Галицко-Волинской Руси. В помещенном под 1288 г. в Галицко-Волинской летописи Похвальном слове волынскому князю Владимиру Василь-

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 814.

⁴⁰ См.: Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 105—106.

⁴¹ Там же. С. 105.

⁴² Там же.

⁴³ Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 34—35.

⁴⁴ См., например: Bonner G., Rollason D., Stancliffe Cl. St. Cuthbert, his cult and his community to AD 1200. Woodbridge, 1995. P. 346. См. также: The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1897.

ковичу (внук Романа Мстиславича и племянник Даниила Романовича) особо отмечается его роль в строительстве и украшении церквей, и в числе прочего сказано, что для построенной в честь Георгия Победоносца церкви в городе Любомле князь пожаловал «Евангелие опракос же волочено оловиром».⁴⁵

Использование оловира в качестве оправы для Евангелия позволяет думать, что эта ткань соответствовала известным в Европе драгоценным сортам византийского шелка, и таким образом упомянутый выше «кожух» Даниила Галицкого действительно представлял собой настоящий царский наряд, сшитый из «истинного» («чистого») пурпура.

Стать обладателем такого наряда галицко-волынские князья мог, по-видимому, только получив его в наследство от своих родителей. Драгоценные византийские ткани составляли, очевидно, приданое второй жены Романа Мстиславича, царевны Евфросинии, дочери византийского императора Исаака II.⁴⁶ Привезенные в Галич «великой княгиней Романовой» в самом начале XIII в. греческий оловир и другие подобные ткани перешли затем к ее детям и внукам. В этом, видимо, и состоял источник необычной даже для самых набожных из русских князей щедрости внука Евфросинии Владимира Васильковича, неоднократно жертвовавшего расшитые золотом паволоки и аксамит для украшения волинских храмов.⁴⁷

Галицко-волынские князья, прямые потомки Романа Мстиславича и царевны Евфросинии, использовали атрибуты своего царского происхождения и при погребении родственников. Галицко-Волынская летопись сообщает, что умершего 10 декабря 1288 г. Владимира Васильковича приготовили к погребению по царскому чину: «оувиша и оксамитомъ со кроужевомъ, якоже достоить царямъ».⁴⁸

Наряду с царскими атрибутами в одежде галицко-волынские князья на протяжении всего XIII в. (в отличие от других русских князей того времени) пользовались титулами «царь» и «самодержец», что получило отражение в различных письменных источниках.⁴⁹

Галицко-волынских князей сопровождают в летописи и другие символы царского достоинства. При описании деяний князей Романа и Даниила, особенно их военных подвигов, летописец неоднократно уподобляет своих героев орлам или каким-либо иным способом связывает с ними образ царственной птицы.

Восхваляя подвиги Романа Мстиславича, летописец сравнивает славного князя-воителя с разъяренным львом и орлом, перелетавшим через всю Половецкую землю («и прехожаше землю ихъ, яко и орель»)⁵⁰ При въезде в новую столицу Даниила Романовича — город Холм — был воздвигнут каменный монумент, увенчанный изваянием орла.⁵¹

Еще более примечательная сцена возникает в Галицко-Волинской летописи при описании Ярославской битвы 1245 г., решившей исход борьбы

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 926.

⁴⁶ См.: *Майоров А. В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волинской Руси: Княгиня и монахиня // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2010. № 1 (39). С. 76—106.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 926.

⁴⁸ Там же. Стб. 918.

⁴⁹ См.: *Майоров А. В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1—2. С. 250—262.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716.

⁵¹ Там же. Стб. 845.

за галицкий стол, продолжавшейся несколько десятилетий, в пользу Даниила Романовича. Перед началом битвы произошло поразившее всех знамение: над полком Даниила внезапно появилась стая орлов, с клекотом носившихся в воздухе, покрывая князя и его воинство своими распростертыми крыльями («орлом же клекъщоущимъ и плавающимъ криломъ своими и воспрометающимъ на воздуесе»). Появление орлов разогнало тучу воронов, собравшихся над местом битвы в предвкушении обильной добычи.⁵²

Парящий в небе орел с распростертыми крыльями, тень от которых осеняет царя, — яркий пророческий образ, известный в византийской литературе. Например, Иоанн Скилица в своей «Истории византийских императоров» упоминает о предсказании, связанном с императором Василием I (867—886), предопределившим его великое будущее: лежащего в колыбели младенца Василия накрывает своей тенью крыло парящего в небе орла. Эта сцена изображена в иллюстрированной мадридской рукописи «Истории» Скилицы (XII—XIII вв.).⁵³

Орел — один из важнейших атрибутов и символов верховной власти. Подобное восприятие прочно закрепилось в традиционной культуре и мифологии многих народов с древних времен. В общественном сознании средневековой Европы, а также Древней Руси идея орла как символа власти царя или короля получила самое широкое распространение.⁵⁴ Эта идея нашла прямое отражение и развитие в произведениях древнерусской литературы.⁵⁵

В мифологических представлениях орел появляется как орудие Божьей воли, указывая земному правителю выбор новой столицы. По древнему преданию, известному в том числе в пересказе Нестора Искандера (русского автора второй половины XV в., попавшего в плен к туркам и принявшего ислам), когда император Константин Великий пожелал выбрать место для своей новой столицы, выбор его был подтвержден явлением орла, бросившегося с небес на змею и вступившего с ней в поединок. Так был основан Константинополь, ставший Вторым Римом.⁵⁶

Эта легенда отразилась также в ранних памятниках византийского искусства. Второй половиной VI в. датируется красочная мозаика, изображающая орла со змеей, украшавшая пол Большого императорского дворца в Константинополе.⁵⁷

Возможно, неким продолжением византийской мифологемы орла как проводника Божьей воли царю, выбирающему место для своей новой столицы, является описанный в Галицко-Волынской летописи монумент с изваянием орла, возведенный Даниилом Романовичем при въезде в его новую столицу — город Холм.

⁵² Там же. Стб. 802.

⁵³ Grabar A., Manoussacas M. L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid. Venice, 1979. N 202.

⁵⁴ Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 21, 30—31.

⁵⁵ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М., 1947. С. 83—86, 171.

⁵⁶ Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году / Подгот. текста, пер., коммент. О. В. Творогова // БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV в. СПб., 2005. С. 28—29.

⁵⁷ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 30—31. Табл. 7; Jobst W., Erdal B., Gurtner C. Istanbul : Das grosse byzantinische Palastmosaik : Seine Erforschung, Konservierung und Präsentation. 1983—1997. Istanbul, 1997. Fig. 9, 12.